

Не злите добрую колдунью!

Марина Ефиминюк

*С приветом
из другого мира!*

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е91

Иллюстрация на переплете *middfox*

Ефиминюк, Марина Владимировна.

Е91 С приветом из другого мира / Марина Ефиминюк. —
Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-211137-2

В старом замке возле озера мертвых жил-поживал темный колдун. Тихо жил, спокойно, даже не трогал почти никого, пока старый король не приказал ему жениться. В пятый раз. И быть бы этой сказке печальной историей о несчастном браке... Но в жены ему досталась я! А я планирую жить в его замке долго и счастливо. С большим комфортом! Даже если темный колдун категорически против.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211137-2

© Ефиминюк М.В., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Пролог

Фостен Мейн следил, как приехавшие с королевским советником стражи, пыхтя и прея, вчетвером затаскивают в кабинет огромный прикрытый тканью портрет. Тот уперся в притолоку и застрял. Носильщики в страхе обернулись к хозяину замка. Злить темного мага, способного испепелить одним взглядом, они боялись.

— Дальше, — сухо велел Фостен.

Сдержанный приказ произвел эффект магического пинка. Стражи старательно поднажали, портрет перестал цепляться за дверной проем. Тряпка собиралась гармошкой, постепенно оголяя богатую золотую раму и темный холст. В конечном итоге жалко повисла, зацепившись за уголок.

Картину прислонили к стене, едва не задев светильник. С другого конца кабинета на Фостена смотрела светловолосая девица, его будущая жена. В голубых глазах — бедно с интеллектом, зато в низком вырезе платья неожиданно богато тем, что леди показывали в вырезках. Возможно, художник увлекся во время работы или решил заказчице польстить.

— Ивонна Артисс. Хороша? — Королевский советник окончательно сорвал ткань и показным жестом отбросил на пол. — Его величество лично выбирал. Родственники девицы в восторге.

В народе ходили слухи, что четырежды вдовец Фостен Мейн своих жен пожирал. Нашелся же идиот, готовый отдать дочь на съедение колдуну! С другой стороны, старый сводник с мнением внучатого племянника или его будущей родни не считался.

— Она приемная дочь? — в недоумении вскинул бровь Фостен.

— Обижаешь, чистая аристократическая кровь! На три поколения ни одного конюха! — возмутился советник. — Воспитана, вышколена и невинна, как душа младенца.

Собственно, как и предыдущие супруги колдуна. Других у королевских свах не водилось.

— Невинность королевский звездочет просчитал? — с иронией уточнил он.

Пропустив злой сарказм мимо ушей, советник торжественно вытащил из внутреннего кармана свернутый трубочкой королевский указ и собрался громко, с выражением зачитать.

— Уймись, — отказался счастливый вдовец в пятый раз слушать приказ скоренько жениться от назойливого родственника. Все равно, как показывал опыт, в тексте менялись исключительно имя и возраст невесты.

— Держи! — Столичный гость пересек кабинет и протянул Фостену лист с гербовой печатью.

— Оставь себе, — не стал забирать он.

Бумагу советник пристроил на неприбранный письменный стол и придавил сверху шкатулкой, чтобы не снесло сквозняком. Из-под крышки угрожающе потек черный дым. Магические артефакты не любили, когда их трогали чужаки.

— Свадьба в следующем месяце в семейной часовне Артиссов, — объявил советник. — В указе все написано.

Поздравляю, дружище! Счастливого брака и здорового приплода. Может, теперь повезет.

Жаль, что в реальности тяжелыми взглядами невозможно ни испепелить, ни проклясть. Продолжать магический род Фостен не планировал, чем неимоверно удручал троюродного венценосного деда.

Его величество, возможно, успокоился бы на бастарде, однако имелась загвоздка. У мужчин из рода Мейн отпрыски появлялись лишь в законном браке. Без вариантов. Больше века назад королева Милдрет навела ядреное заклятие на гулящих сыновей. Неожиданно зловредная магия расплзлась по ветвистому семейному дереву и перекинулась на потомков. Никто не сумел побороть.

Фостена это устраивало. Детей он видел только в кошмарных снах, а уж кошмары у него были затейливые. Но едва темному магу исполнилось тридцать, король начал его женить. Грозил отобрать родовой замок с землями и настойчиво женил. Каждую весну новая невеста. За четыре раза не успокоился, предпринял пятую попытку. Юбилейную!

На следующий день огромный портрет попытались вытащить из кабинета. До дверного проема не донесли. Дворецкому Вернону прострелило плечо, секретарю Хэлавину отбило ногу углом рамы.

— Что делать, хозяин? — простонали калеки в два голоса.

Стараясь справиться с раздражением, Фостен потер переносицу и проскрипел:

— Оставляйте.

— Мы его прикроем, — пообещал позеленевший от боли дворецкий и скрюченный пошел искать, чем прикрыть ясный лик будущей хозяйки замка.

Почти две декады Ивонна Артисс взирала на Фостена с портрета, так ничем и не прикрытая. В конечном итоге он

затянул холст черной магической вуалью. На следующий день в завесе внезапно появились две дырки, а в них — томные глаза будущей супруги. Она словно издевалась и продолжала следить за женихом, вызывая в нем приступы раздражения.

В одно мрачное, как настроение Фостена, утро секретарь пришел на завтрак с постной миной. Трапезы в замке в принципе никому не приносили удовольствия. Повар готовил не просто отвратительно, а чудовищно, но заменить его было попросту некем.

— Господин Мейн, — со скорбным видом проговорил Хэллавин, — у меня дурные вести.

— Говори, — согласился он, втайне надеясь, что повар Тобольд все-таки сжалился и свалил из замка.

— Ваша невеста ушла из жизни.

— Да неужели? — протянул Фостен, с большим интересом посмотрев на помощника.

— Представляете, какая недолговечная оказалась девица? — вздохнул тот. — Самоустранилась и выбыла из подготовки к свадьбе. Жениться не придется! Отправить ее родителям письмо с соболезнованиями?

— Пусть вернут свадебные дары, — буркнул дворецкий Вернон, ставя на стол фарфоровую супницу с кашей.

Никого не смущало несоответствие посуды содержанию. После четырех жен в замке вообще было туго с приличным фарфором. Фостен искренне недоумевал, почему женщины помешаны на тарелках и чашках, но, отбывая в лучшую жизнь, каждая прихватывала сервиз.

— Отправь похоронный венок. Напиши, чтобы свадебные дары не возвращали, — отдал он распоряжения и потребовал: — И портрет уберите из кабинета!

— Из уважения к покойной следует провести с ней еще четыре декады, пока душа не покинула наш мир, —

припомнил дворецкий вообще все религиозные традиции двуединого бога, хотя никогда не страдал набожностью. Лишь бы не вытаскивать.

Фостен выразительно кашлянул. Слуги разом сникли, хмуро переглянулись и днем выволокли портрет в коридор. Потом у дворецкого прострелило поясницу, секретарю прищемило другую ногу. Только повар Тобольд не пострадал. Во время перевалки картины он управлял процессом и успел отскочить, когда тяжелая бандура снова сорвалась на пол.

Через седмицу Хэллавин втянулся в кабинет бочком. Он сцепил руки в замок, опустил голову и, изображая глубокую скорбь человека, вынужденного каждый день проверять почтовый артефакт, объявил:

— Господин Мейн, у меня опять дурные вести.

Фостен поднял глаза от шкатулки, которую ковырял с самого утра, а та беспрерывно кололась черной магией и чадила. Секретарь мялся.

— Дед умер? — тихо подсказал маг.

— Ваша невеста воскресла, — выдавил Хэллавин. — Сегодня написали из дома Артиссов. Девушка здорова, счастлива и мечтает выйти замуж. Свадьба будет.

— Они ее воскресили или откачали?

— В письме не уточняется. Мне очень жаль, но придется жениться... И что делать теперь с портретом? — Секретарь шумно глотнул. — Занести обратно?

— Не надо, — сухо отказался Фостен лицезреть голубые глаза ожившей невесты.

— Наверное, нам следует подготовить женскую половину замка, — тихонечко предложил Хэллавин. — Нанять в городе служанок?

— Зачем? — Он невесело усмехнулся. — Эта девушка все равно здесь ненадолго...

1 ГЛАВА С пробуждением!

— Отмучилась, сердечная, — заключил скорбный женский голос, и кто-то рядом надрывно завыл.

Святая наивность, честное слово. Какой там отмучилась? Я в процессе!

Голова взрывалась от боли. Ни пошевелиться, ни глубоко вздохнуть. Ладно, я не амбициозная: достаточно просто приподнять веки, чтобы с укором посмотреть на плакальщиц. Зачем так вопить, будто действительно кто-то умер?

— Помоги нам двуединый! — пронзительно прорыдали почти мне в ухо.

Всегда считала себя стальным прутком, металлической скобой, чутунным мостом... Ну вы поняли. Впервые в жизни меня победили. И это была мигрень! Сознание схлопнулось, словно кто-то повернул невидимый рубильник.

Проснулась я поздним вечером от заунывного пения мобильного телефона. Не помню, что меня заставило изменить мелодию будильника, но звучал он отвратительно. Еще и лицо оказалось прикрыто платочком! Совсем крышей двинулась.

Сдернув лоскут, я с наслаждением вздохнула полной грудью и потянулась всем затекшим телом. Мелодия оборвалась. В воцарившейся тишине кто-то громко охнул. Остатки сна слетели мгновенно. В панике я подскочила на кровати и оцепенела. Вернее, сначала изумилась, а потом оцепенела.

Ведь действительно двинулась! Крышей. Полностью.

Незнакомая просторная комната походила на музейный зал, а кровать со столбиками и балдахином напоминала экспонат. Вокруг горело столько свечей, что в глазах рябило. В изножье стояли люди в черных одеждах, совершенно непохожие на охрану...

— Здравствуйте, — оторопело поздоровалась я чужим, незнакомым голосом.

Рядом кто-то подозрительно крикнул, словно собрался отправиться на тот свет. Возле кровати обнаружился полюбоморочный священник. Прижимая к груди томик с писанием, он остоленел с открытым ртом.

— Вы пастор в этой секте? — тихо, чтобы не пугаться собственного голоса, спросила у него. — Святой отец, давайте разойдемся по-хорошему. Обещаю, что не стану вызывать полицию...

— На каком языке она говорит? — заговорили тихонечко сектанты.

Стало очевидным, что я их понимаю, а они меня — нет.

— На русском. С рождения. Но могу еще по-английски, — самым доверительным тоном объяснила я и прикинула, куда бежать. Вообще, получилось, что только под одеяло.

— Да что же вы все стоите? Дочь пробудилась! — отмерла светловолосая женщина и дернулась к кровати.

— Не приближайтесь, леди Артисс! — внезапно сильным и властным голосом выкрикнул священник, заставив ее затормозить, а меня вздрогнуть. — Она демон! Я ее упокою и закончим прощание!

Он решительно сунул мне под нос захлопнутый томик. Хорошо, не шлепнул по голове. После умопомрачительного приступа мигрени я действительно превратилась бы в демона.

— Изыди, злой дух, из тела молодой госпожи! — про-
выл святой отец. — Тело госпожи, упокойся. Во имя дву-
единого!

Возникла странная пауза. Люди затаили дыхание. Мо-
жет, ждали, что у меня, как в ужасниках, из ушей повалит
черный дым и злой дух покинет тело. В полном шоке
я разглядывала на обложке книги золотистую загогулину.
Веко дергалось.

— Мы в дурдоме, да?

— Засни обратно, — тихонечко велел священник. —
Сейчас же!

— Честное слово, святой отец, и рада бы, но уже
выпалась.

Пальцем я отодвинула книгу от своего лица. Пастор
закатил глаза и все-таки отправился в путешествие по глу-
боким слоям подсознания, с грохотом рухнув на пол. Мне
тоже захотелось обратно в обморок, ведь я увидела соб-
ственную руку. И не узнала. Маленькая, холеная, с тон-
кими пальцами, она словно принадлежала другому чело-
веку. Где крошечная татуировка клевера над мизинцем?
Куда делся шикарный маникюр за неприличные деньги,
оставленные в салоне всего два дня назад?!

— Боже, — охнула я и прижала эту чужую руку
к груди.

Тут меня ждало новое потрясение, потому как у меня
обнаружилась... собственно, грудь. В смысле, нормаль-
ная, которую можно разглядеть под одеждой. И это было
крайне, просто чудовишно неправильно! Женственными
формами я похвастаться не могла, даже когда не влезала
в любимые джинсы.

После самоустранения борца с нечистью зрительный
зал прорвало. Люди галдели. Пастору никто не торопился

помочь, а сам он в себя не приходил. Может, от стыда притворился.

Кто-то выбрался в коридор и надрывно заорал, что молодая госпожа воскресла. Теперь она совсем живая! От потрясения я пропустила тот момент, когда до кровати добралась женщина, назвавшая меня дочерью, и обняла до хруста в ребрах.

— Так и чувствовала, что ты проснешься! Сутки пролежала тихая, как будто двуединую душу отдала! — причитала она. — Какое счастье, Ивонна!

Незнакомое имя громыхнуло выстрелом. Внезапно звуки отдалились, сердце заколотилось. Перед мысленным взором со стремительной скоростью замелькали незнакомые лица, места и предметы. В голове словно показывали несуразный фильм, наспех слепленный из нарезок разных роликов. Заговорили голоса, зазвучали обрывки разговоров... Щелк! И мельтешение оборвалось. Вновь нахлынул шум музейного переполоха.

— Мне нехорошо, — выдавила я.

Видимо, женщина начала понимать мою речь.

— Приляг, — проворковала она, подкладывая мне под спину подушку. — Ты, верно, совсем испугана.

Вы о чем? В вашем дурдоме так задорно, что испугаться некогда.

— Зачем ты снова уложила дочь на траурное ложе? — прогудел мужчина с аккуратной бородкой. — Зовите слуг! Отведите Ивонну в ее покои!

— Маша, — тихо проговорила я и потеряла ноющие виски.

— Что?

— Меня зовут Маша.

— Ивонна... — Женщина поменялась в лице. — Ты забыла свое имя? Ты что-нибудь помнишь?

Мы встретились глазами, и по спине пробежал холодок. Именно в этот момент я остро осознала, что каким-то нелепым образом задремала в такси по дороге домой, а проснулась в чужом теле черт знает где. И только что профукала все оставленные бывшей хозяйкой этого тела воспоминания.

Подняться с кровати мне помогли двое слуг в серых ливреях, у обоих тряслись руки. Похоже, от суеверного страха. Держали за локотки крепко, хотя я твердо стояла на ногах и обратно в обморок не собиралась. Леяной пол ступил босые ступни, но предложить обувь воскресшей хозяйской дочери никто не сподобился, а попросить не рискнула. Вдруг они здесь не в курсе, что такое домашние тапочки.

Тихой процессией мы прошли по анфиладе просторных комнат. Сначала вели меня, позади шелестели скорбящие родственники. Складывалось идиотское впечатление, будто невинную деву провожают на жертвенный алтарь.

Слегка пришибленная, я украдкой осматривалась вокруг. Обстановка напоминала декорации к исторической киноленте: мебель, предметы интерьера, ткани на стенах вместо обоев. Под стеклянными колпаками в светильниках излучали приглушенный, теплый свет круглые лампочки.

Похоже, меня перетащило в прошлое! Понять бы в какую страну... С другой стороны, эта информация вообще ничего не меняет. В истории я разбиралась приблизительно как пятиклассник — в высшей математике.

В тишине забили высокие напольные часы. Внезапно с первым гулким ударом лампочки во всех светильниках разлетелись на мелкие фрагменты. Всполошенными мотыльками осколки ударились в стеклянные колпаки и снова слиплись в шар.

А может, я попала не в прошлое... В таком случае куда?!

На удивительный курьез никто не обратил внимания, и я почти себя убедила, что от шока совсем потекла чердаком, но рано поставила диагноз. Едва меня привели в светлую девичью спальню, замершая возле расправленной кровати горничная выронила из рук томик писания. Книга ударилась уголком о столик с лампой, и круглый ночник на длинной ножке взорвался. По стенам и по потолку затанцевали мозаичные тени. Светящиеся мушки ударились о невидимый купол и, замерев на мгновение, резко стянулись обратно.

— Простите, господин Артисс! — с круглыми от страха глазами пролепетала служанка и нырнула за книгой.

— Пошла вон, — сквозь зубы приказал отец Ивонны.

Прижав писание к груди, девушка низко опустила голову и рванула к раскрытой двери. Народ разошелся, давая ей выйти.

На кровать со светлым балдахином меня препроводили со всеми почестями. В смысле, подвели под локотки и заставили лечь, хотя я уже налегалась до пенсии. Хорошо, что перед вторым заходом успела размяться прогулкой по огромному дому. Пришлось молча изображать болезнь.

Мать Ивонны присела на краешек постели и крепко стиснула мою руку.

— Что-нибудь хочешь? — прокурлыкала она.

Я покачала головой. Хотелось остаться одной, осмотреться и пораскинуть воистину кипящими мозгами, но похоронная процессия по-прежнему толпилась в комнате. Все чего-то ждали. Возможно, что воскресшая хозяйская дочь передумает оставаться живой и ее снова придется отпевать. Святого отца, правда, не хватало. Никак он все еще остро переживал поражение в битве с демоном.

— За лекарем уже отправили, — проговорила она, поправляя одеяло. — Он вот-вот будет.

